

Юдина В. И.
V. I. Yudina

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАУЧНОЙ СФЕРЫ

MUSICAL DIALECTOLOGY. THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS OF DEFINITION OF THE SCIENTIFIC SPHERE

Юдина Вера Ивановна – доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории музыки ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры» (Россия, Орёл). E mail: udina@orel.ru.

Ms.Vera I. Yudina – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Theory and History of Music, Oryol State Institute of Culture (Russia, Oryol). E mail: udina@orel.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка определить некоторые параметры музыкальной диалектологии как научной области, исследующей территориальные разновидности музыкального языка. На основе сопоставления с общим языкознанием выявляются теоретические параметры данной научной сферы (области исследования, понятийного аппарата, методологии и аналитических методов). Дан экскурс в историю музыкальной диалектологии, определяется характер ее разработанности на данный момент.

Summary. The article attempts to define some of the parameters of musical dialectology as a scientific field that explores the territorial variety of the musical language. Based on comparison with General theoretical linguistics the author identifies the parameters of the given scientific sphere (the sphere of research, terminology, methodology and analytical methods). The author gives the insight into the history of musical dialects, and determines the character of its development at the moment.

Ключевые слова: музыкальный диалект, диалектология, фольклористика, региональный вариант, фольклорная зона, этномузыкознание, ареальные исследования, жанровый комплекс.

Key words: musical dialect, dialectology, folklore studies, regional variant, a folklore area, etnomusicology, areal researches, genre complex.

УДК 130.2+398

Понятие «музыкальный диалект» – одно из самых распространенных в современном этномузыкознании. При этом научно-теоретическая наполненность данной категории до сих пор остается недостаточно определенной, особенно в сравнении с имеющимися в общем языкознании категориями «говор», «наречие». В музыкальной фольклористике довольно часто все эти дефиниции используются как синонимы, определяющие, «во-первых, совокупность местных территориально-стилистических разновидностей общенационального фольклора и, во-вторых, наличие определенных песенных типов и явлений, неизвестных за пределами распространения данного музыкального диалекта» [3, 75].

Представляется, что данная система категорий требует научного анализа, который мог бы составить один из важных теоретических аспектов музыкальной диалектологии. Парадокс, однако, заключается в том, что музыкальной диалектологии как отдельной научной области не существует. Сошлемся на позицию молдавского музыковеда Г. В. Кочаровой, которая, рассматривая вопросы отбора этнически-характерных музыкальных явлений в контексте проблем культурогенеза в музыке, отметила: «На современном этапе выявляется и насущная потребность их объяснения с позиций музыкальной диалектологии – области науки, покуда столь же не разработанной, сколь даже не сформулированной в своем предмете. В то же время в контексте всеобщей глобализации и, как следствие, активизировавшихся сегодня на ее фоне национально-дифференцирующих тенденций данное направление может стать весьма важным и перспективным» [10].

Транслируя имеющееся в общем языкознании определение диалектологии (В. М. Жирмунский, М. Я. Немировский, Р. И. Аванесов, О. С. Блинова, С. К. Пожарицкая), можно представить музыкальную диалектологию как научную область, исследующую территориальные разновидности музыкального языка в их синхронном состоянии и исторической эволюции. Для характеристики ее теоретических параметров, не претендуя на исчерпывающий перечень, отметим необходимость определения: а) сферы действия научной области, коей является по преимуществу музыкальная культура фольклорной традиции (не только отечественная, но, по крайней мере, славянских народов, учитывающая хотя и небогатый, но имеющийся опыт сравнительного музыкального славяноведения [4]), б) понятийного аппарата, системообразующее значение в котором принадлежит категории музыкального диалекта, требующего, как нами замечено ранее, всестороннего анализа, в) методологии и принципов анализа – общих (системный, структурный, культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный и др.) и специальных (картографический, морфологический, музыкально-стилистический и др.) и т.д.

Вместе с тем уже сейчас можно представить основные вехи становления отечественной музыкальной диалектологии, корнями уходящей в XVIII в. Именно в вышедшем в 1776 г. «Собрании русских простых песен с нотами» певца и композитора В. Ф. Трутовского было впервые отмечено: «Что же касается до голосов, то я, прислушиваясь от многих, нашел, что везде поют разными манерами» [17, 37].

Эта идея региональной диалектности народной песни получила развитие в классических трудах русских фольклористов XIX в., опирающихся на широкий эмпирический материал из разных областей России. Одним из первых этнограф и археолог И. П. Сахаров в своем двухтомном собрании «Песни русского народа» (1838 – 1839) выделил географический фактор возникновения песенных вариантов: «Каждый город, каждая деревня имеют свои напевы <...> возникает необходимость различия народного песнопения по областям» [15, СХІІ]. Одновременно с этим фольклорист и писатель П. В. Киреевский обозначил проблему фиксации территориальной принадлежности записанного текстового варианта в процессе паспортизации песенного первоисточника. Методика его работы, однако, была сосредоточена по преимуществу на «выработке» общего инварианта из нескольких записанных песенных версий. «Известно, что Киреевский создавал так называемый сводный текст, выбирая из имеющихся вариантов один в качестве основного и дополняя его отдельными строчками или отдельными словосочетаниями из других вариантов, обязательно оговаривая при этом каждое изменение и указывая его источник» [1, 338].

Вскоре и отечественная музыкально-критическая мысль середины – второй половины XIX в. пришла к необходимости практической фиксации всех доступных вариантов напева народной песни с целью определения общего «прототипа» (В. Ф. Одоевский, А. С. Фаминцын, П. П. Сокальский). Задача сравнительного анализа музыкальных диалектов впервые прозвучала в 1850-х гг. в Песенном собрании фольклориста, гитариста и композитора М. А. Стаховича: «каждая песня является органической частью целого отдела музыкально сродственных песен. <...> для полного уразумения темы необходимо видеть ее место в целой системе вариантов» [16, 17 – 18].

В целом на тот момент практическая задача фиксации «уходящего», а в некоторых случаях реликтового песенного материала (например, северорусской традиции былинного сказа и причета) в многообразии его вариантов превалировала над научно-критическим осмыслением его диалектности. Показательно «определение» песенного варианта, относящееся к середине XIX в., данное этнографом, членом-корреспондентом Воронежской статистической комиссии А. Кремером: вариант – это «то же, да не так» [11].

Новый этап становления музыкальной диалектологии начинается в конце XIX в. в связи с активизацией работы по собиранию и изучению регионального фольклора: разворачивается целенаправленная деятельность Песенной комиссии Русского географического общества и Музыкально-этнографической комиссии при Этнографическом отделе Московского университета, вызвавшая появление песенных собраний Севера, Сибири, Центральной России (классические работы Ф. М. Истомина, Г. О. Дютша, С. М. Ляпунова, Е. Э. Линевой, А. Д. Григорьева и др.). В конце 1880-х гг. появляются два нотных собрания, в которых проблема региональной вариантности рус-

ского музыкального фольклора отразилась в полной мере, хотя и в качественно различном ракурсе. Сборник «Крестьянские песни, записанные в селе Николаевка Мензелинского уезда Уфимской губернии» (СПб., 1888) включал региональный фольклор одного локуса – песни различных жанров (календарные, протяжные, свадебные и др.), записанные по оригинальной методике выведения единого хорового типа из множества индивидуальных исполнительских вариантов. Его автор фольклорист, собиратель народных песен Н. Е. Пальчиков, по сути, адаптировал традиционный подход П. В. Киреевского к нотным текстам.

«Сборник русских народных лирических песен» Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина (ч. 1-2, М., 1889) представлял собой первый специальный, как гласил подзаголовок работы, «опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания». В предисловии к изданию определялись основания песенной многовариантности (особо подчеркнем их этнографический и культурно-исторический характер) и методика ее изучения. «Лирические песни составляют богатый и обширный отдел песенной поэзии русского народа: в них выражались и до сих пор выражаются лирические чувства русского народа в самых разнообразных условиях его быта за всю его историческую жизнь, в силу чего и получили они неисчерпаемое многообразие текстов и напевов и разнообразие их вариантов. <...> Сличение вариантов – первое основание к критическому изучению песен: оно раскрывает их историю, указывает пути к изучению песенной речи в связи с напевом и тех самобытных законов, которые руководят народом в создании песен и в исполнении их. Не менее важно уяснение и тех сторон народного быта, которые получили свое выражение в известной песне или послужили причиной и основанием к ее возникновению; без этого народная песня часто непонятна и как бы лишается всей полноты своего художественного содержания» [14, 37 – 38].

К концу XIX в. своеобразным научно-теоретическим итогом более чем векового развития идеи многовариантности русской песни стала публикация в Петербургском журнале «Баян» статьи члена Русского географического общества, фольклориста В. А. Мошкова «Некоторые провинциальные особенности в русском народном пении» [13, 36]. Опираясь на значительную эмпирическую базу, накопленную к тому времени отечественной фольклористикой и этнографией, автор основывался на традиционной методологии «выведения» типового песенного инварианта, вбирающего в себя характерные и наиболее распространенные особенности всех записанных мелодий. Путем сопоставления отдельных сторон музыкальной стилистики (особенностей многоголосия, исполнительских приемов) песен, «собранных в самых отдаленных концах России», он пытался выявить «сущность» напевов, своего рода их общенациональный инвариант.

Одна из заслуг В. Мошкова заключалась в появлении в его работе термина «музыкальных говоров России», который акцентировал значимость географического фактора появления песенных вариантов. Однако его смысловое наполнение имело скорее художественно-публицистический, нежели собственно теоретический характер. Думается, что это произошло не только вследствие недостаточной исследовательской базы, но также в силу доминирующих общественных установок. Задача музыкальной фольклористики этого периода заключалась в определении своеобразия национальной музыкальной системы в сравнении с другими, преимущественно западноевропейской музыкой, на фоне которой она представляла собой единый художественный организм.

Эта концепция общерусского единства музыкального фольклора продолжала занимать доминирующие позиции вплоть до середины XX в. Даже в знаменитом пятитомном собрании А. М. Листопадова «Песни донских казаков» (М., 1949 – 1954), исследующем южнорусскую эпическую традицию, по мысли советского композитора и фольклориста Б. М. Добровольского, были «уничтожены локальные особенности мелоса в угоду предвзятой концепции “общерусскости”» [5, 146].

Однако идея региональных «музыкальных говоров России» продолжала развиваться параллельно общей установке (работы Е. Э. Линевой, Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд). В 1920 – 1930 гг. Е. В. Гиппиус провозгласил задачу планомерного ареального исследования традиционной русской песни [2], а К. В. Квитка разрабатывал идеи, которые к 1970 – 1980-м гг. получили очертания мелогеографии, музыкальной диалектологии, мелокартографирования [9]. Именно тогда определе-

ние музыкального диалекта получает ярко выраженную географическую направленность (см. упомянутое выше определение В. Л. Гошовского), доминирующим становится метод картографирования, способный наиболее полно раскрыть генезис и типологию рассматриваемых фольклорных артефактов. «Задача состоит в том, чтобы широкие круги фольклористов сосредоточили свое внимание на изучении различных песенных типов своего национального фольклора, <...> составили каталог исследуемых типов, музыкально-диалектные и типологические карты. Результаты сравнительного (качественного и количественного) анализа мелодических вариантов с привлечением статистических, географических и исторических данных нужно публиковать» [4, 261 – 262].

Однако и на сегодняшний день проблема создания диалектологии русской музыки устной традиции остается актуальной несмотря на широко развернувшиеся во второй половине XX в. ареальные исследования. «Можно сказать, что окончательное признание отсутствия единой системы русского фольклора – будь то жанровая система, ладовая, ритмическая, тембральная или фактурная, – только сейчас, да и то с боями, становится если не аксиомой, то по крайней мере самой фундаментальной рабочей гипотезой современного русского этномузыказнания. В этом русле находятся все последние достижения и буквально открытия отечественной науки, связанные с целенаправленным обследованием русских этнических территорий и с первыми серьезными опытами картографирования добытых в поле и аналитически обработанных сведений. Очевидно, что если современное русское этномузыказнание еще и не вполне научилось, но упорно учится переходить от романтического и, скажем, идейно-политического общерусского единства (критическим испытанием которого явился произошедший на наших глазах распад бывшей Российской империи) к реальному богатству конкретных локальных традиций ...» [8, 298 – 299].

Действительно, в современном отечественном этномузыказнании отчетливо прослеживается солидарное с другими отраслями отечественной фольклористики понимание народного творчества не как единого целого, а как региональной/локальной системы, опирающейся на «классику» отечественной фольклористики (В. М. Жирмунский, Н. И. Толстой, К. В. Чистов, С. П. Праведников и др.). Анализируются теоретические и прикладные аспекты локальных традиций русского музыкального фольклора (В. Лапин, В. М. Щуров и др.). В частности, диалектная специфика различных местных традиций определяется как «совокупность условий бытования, черт стиля и приемов исполнения, придающих своеобразие и характерные отличительные свойства музыкальному фольклору определенного народа в одной ограниченной местности» [19, 27].

Сегодня понятие фольклорного диалекта все чаще рассматривается в широком культурологическом контексте, объединяя языковые, этнографические, собственно музыкально-стилистические характеристики музыкального фольклора [20]. В этом ракурсе эвристическую ценность имеет жанровый анализ музыкально-диалектологического комплекса.

Общеизвестно, что для различных регионов России характерны различные этнографические особенности, определяющие специфику региональных музыкальных традиций. В связи с различным хозяйственным и бытовым укладом в удаленных друг от друга краях складывалась неодинаковые системы жанров фольклора. Так, в земледельческих районах важную роль всегда играли песни, связанные с крестьянским календарем, а на Севере отсутствие развитого земледелия не сформировало календарно-обрядовой системы фольклора. Здесь преобладали сказительные эпические традиции, которые поддерживались обычаями своего края. Талантливые сказители ценились очень высоко: рыбацкая артель, уходя на промысел, старалась заполучить с собой «старинщика» за равный пай. Северный день был короток, наступавший долгий вечер вынужденного досуга мог украсить талантливый сказитель [18].

Изначально «северянин, будучи удален от центра русской государственной жизни, с заселением нового края продолжал жить прежнюю жизнью, перенеся туда свои обычаи, песни, и в последних продолжал идеализировать своих прежних героев, передавая свои песни от поколения к поколению» [12, 293]. Этим определяется долгая сохранность северной традиции индивидуального исполнительства северных старин, достигшая кульминации в творчестве мастеров северного былинного сказа конца XIX – начала XX вв. – Т. Г. Рябилина, В. П. Щеголенка, М. Д. Кривополевой, А. М. Крюковой, И. А. Федосовой. Некоторые из них представляли семейные династии

сказителей (Рябининых, Крюковых), так как умение сказывать былины было не только результатом особой одаренности (мастерства музыкально-поэтической импровизации, певческого голоса, огромного запаса памяти), но и специальной выучки, «школы», передаваемой родителями детям.

Напротив, развитое земледелие на территории раннего славянского заселения (южнорусская зона) определило доминирование календарных обрядов с соответствующим музыкальным сопровождением как таковых, а также их влияние и на бытовую обрядность. Известно, какую важную роль в южнорусской свадьбе играет маркированность всех действий, связанных с хлебом (караваем, калачом) как символом преобразования природного в культурное. Этим же обусловлена и типологическая близость южнорусских свадебных песен и календарных напевов [6, 200].

Яркий пример региональных отличий в рамках одного жанрового типа русского фольклора – это песни свадебного цикла: сошлемся на хрестоматийную типологию свадебного обряда – северорусского и южнорусского, или свадьбу-похороны и свадьбу-веселье, различие которых определяется этнографически закрепленным за определенной территорией характером обряда [7, 8].

В целом обозначенные ракурсы музыкальной диалектологии имеют не только собственно историческую и теоретическую значимость. Представляется, что они могут послужить основой прикладных исследований, связанных как с изучением локальных фольклорных зон, так и с практической краеведческой работой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова, З. И. Коллекция лирических песен в собрании П. В. Киреевского / З. И. Власова // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. VII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 328-342.
2. Гиппиус, Е. В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья / Е. В. Гиппиус // Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии) (Труды ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 60) / отв. ред. М. А. Енговатова. – М., 1982. – С. 5-13.
3. Гошовский, В. Л. Фольклор и кибернетика / В. Л. Гошовский // Советская музыка. – 1964. – № 11. – С. 74-83.
4. Гошовский, В. Л. У истоков народной музыки славян: очерки по музыкальному славяноведению / В. Л. Гошовский. – М.: Советский композитор, 1971. – 304 с.
5. Добровольский, Б. М. Заметки о методике текстологической работы с записями народной песни / Б. М. Добровольский // Принципы текстологического изучения фольклора: сб. ст. / отв. ред. Б. Н. Путилов. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 138-154.
6. Дорохова, Е. А. Обряды и песни жизненного цикла / Е. А. Дорохова // Народное музыкальное творчество: учеб. / отв. ред. О. А. Пашина. – СПб.: Композитор, 2005. – С. 169-247.
7. Ефименкова, Б. Б. К типологии свадебных ритуалов восточных славян / Б. Б. Ефименкова // Музыка русской свадьбы: проблемы регионального исследования: тезисы докладов науч.-практ. конф. (Смоленск). – М., 1987. – С. 8-15.
8. Земцовский, И. Этномузыковедческие заметки об этнической традиции / И. Земцовский // Фольклор и народная культура. In memoriam / Б. Н. Путилов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – С. 292-313.
9. Квитка, К. В. Об историческом значении календарных песен / К. В. Квитка // Избранные труды в двух томах. Т. 1. – М.: Советский композитор, 1971. – С. 73-102.
10. Кочарова, Г. Проявления национального стиля в музыке в аспекте проблемы культурного этногенеза и музыкальной этнологии [Электронный ресурс] / Г. Кочарова // Музыкальная наука на постсоветском пространстве: материалы Междунар. интернет-конференции. – Режим доступа: <http://2010.gnesinstudy.ru/wp-content/uploads/2010/03/Kocharova.pdf>.
11. Кремер, А. И. Песни Воронежской губернии / А. И. Кремер // Воронежские губернские ведомости. – 1852. – № 34.
12. Маслов, А. Л. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад / А. Л. Маслов // Русская мысль о музыкальном фольклоре: материалы и документы / сост. П. А. Вульфуса. – М., 1979. – С. 292-313.
13. Мошков, В. А. Некоторые провинциальные особенности в русском народном пении / В. А. Мошков // Баян. – 1890. – № 4. – С. 49-53.
14. Русские народные лирические песни. Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен

- для голоса с фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву / под ред. В. Беляева. – М.: Гос. муз. изд-во, 1956. – 458 с.
15. Сахаров, И. Песни русского народа / И. Сахаров. – М., 1838.
16. Стахович, М. А. Русские народные песни. Предисловие к III тетради / М. А. Стахович; предисл., ред. и прим. Н. Владыкиной-Бачинской. – М.: Музыка, 1964. – 74 с.
17. Трутовский, В. Собрание русских простых песен с нотами / В. Трутовский; под ред. В. А. Беляева. – М.: Гос. муз. изд-во, 1953. – 184 с.
18. Чичеров, В. И. Школы сказителей Заонежья / В. И. Чичеров. – М.: Наука, 1982. – 197 с.
19. Щуров, В. О региональных традициях в русском народном музыкальном творчестве / В. Щуров // Музыкальная фольклористика. Вып. 3. – М.: Советский композитор, 1986. – С. 11-47.
20. Юдина, В. И. Проблема локальности музыкального фольклора в культурологическом ракурсе / В. И. Юдина // Самарский научный вестник. – 2014. – № 4 (9). – С. 149-150.